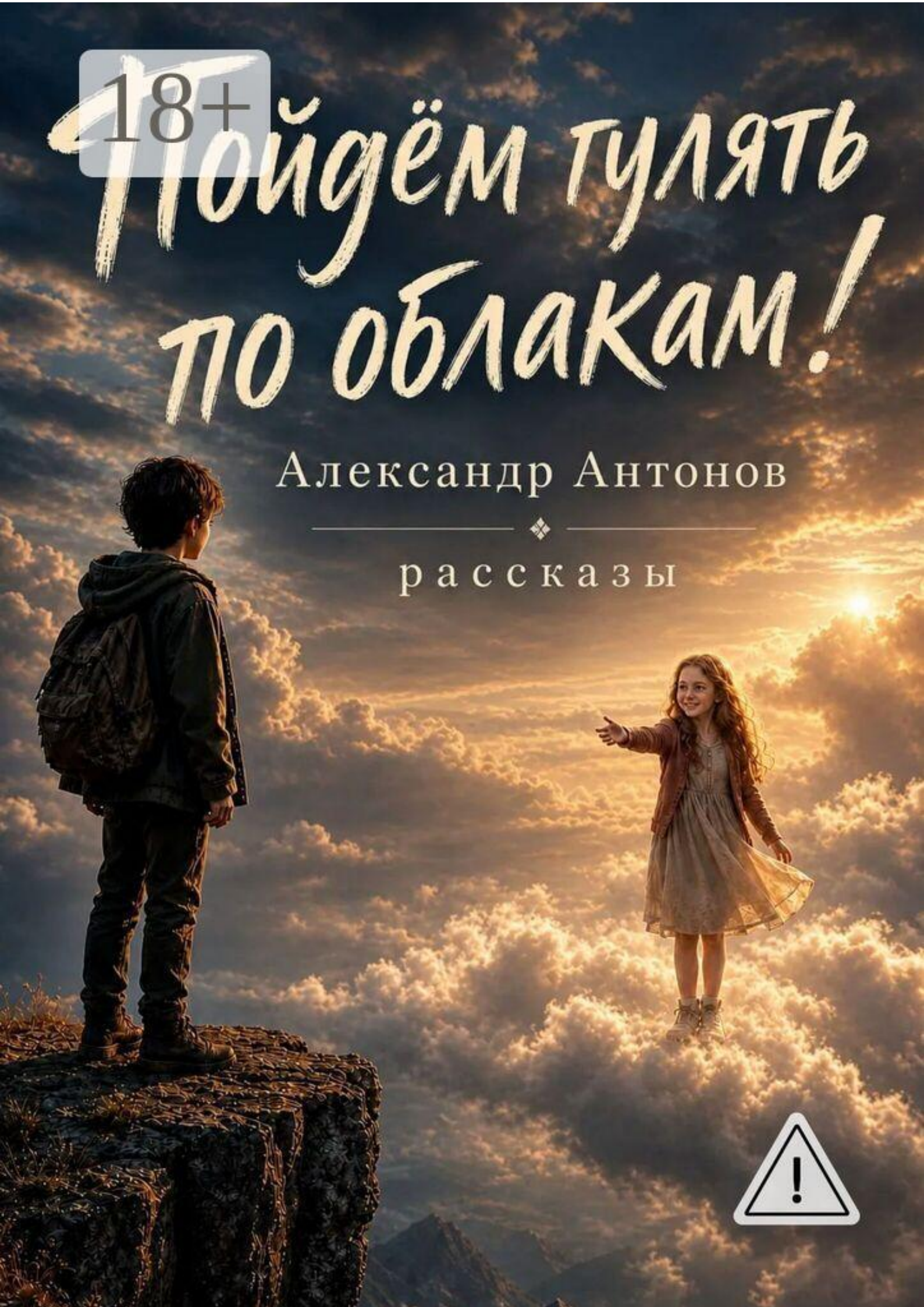
18+

Пойдём гулять по облакам!

Александр Антонов

рассказы



Александр Антонов

Пойдём гулять по облакам! Рассказы

«Издательские решения»

Антонов А.

Пойдём гулять по облакам! Рассказы / А. Антонов — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Это моя первая попытка собрать под одной обложкой написанные в разные годы рассказы. По разным причинам полностью осуществить задуманное не удалось. И всё же большая чать рассказов в книге присутствует.Книга содержит нецензурную брань.

© Антонов А.
© Издательские решения

Содержание

Очки «Желание» 6
Брехунцовские истории 12
Байка первая 12
Байка вторая 13
Байка третья 14
Взлётное происшествие 15
Здравствуйте, дорогая мама!.. 17
Мастер 19
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Пойдём гулять по облакам! Рассказы

Александр Антонов

© Александр Антонов, 2026

ISBN 978-5-0071-4844-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Очки «Желание» (городская сказка)

Ливень в накат шёл по Красному проспекту. Он любил появляться средь бела дня. Любил смотреть как перепуганные горожане стайками и поодиночке спешат уступить дорогу. Ливню нравилось сверкать молниями из-под черной шапки туч, а потом раскатисто хохотать над забавой. Мокрыми пальцами барабанил он по крышам и стучался в стекла нахохлившихся домов. Притопывал по асфальту улиц и площадей босыми ногами, наблюдая, как лопаются водяные пузыри.

Ливень уже миновал площадь Ленина, уже омыл золотой купол Никольской часовни, а молодой человек, задумчиво бредший спиной к напасти по нечетной стороне проспекта и буквально минуту назад разминувшийся с «Плинием Старшим», все еще его не замечал. Беспечность не сошла ему с рук. Получив за шиворот ушат теплой, в общем-то, воды молодец опрометью влетел в первую попавшуюся на его пути дверь. В попытках стряхнуть с волос и одежды не успевшую еще впитаться влагу он не сразу уважил взглядом приютившее его помещение. Закончив отряхиваться Сергей — так звали молодого человека — посмотрел сначала в окно. Там все еще веселился ливень. Затем прошелся взглядом по помещению. Искусственное освещение включено не было. В грозовом сумраке за стеклянными витринами таинственно поблескивали всевозможные склянки и пугали странными названиями разноцветные коробочки. Это была одна из старейших и уважаемых в городе аптек. Отсутствие освещения и посетителей посреди рабочего дня объяснялось просто: был обеденный перерыв. Сергей влетел в аптеку не изучив табличку на двери — это понятно. Но почему дверь не была заперта? Непонятно. Таинственно. Я бы сказал: сказочно. Как и то, что персонал аптеки в полном составе решил отобедать в полу-подвальчике одного из ближних домов с аппетитной надписью над лестницей «Пельменная». Если так, то кто окликнул Сергея «Молодой человек, заберите ваш заказ»?

Сергей не сразу понял, что обращаются к нему и голос повторил, припустив в интонацию раздражение:

— Юноша, я к вам обращаюсь!

Сергей на всякий случай огляделся, никого не обнаружил и пошел вдоль витрин отыскивать обладателя голоса. Повезло уже во втором окошке. Седенький старичок в белом халате смотрел на него поверх сползших на нос очков.

— Ну что же вы, — укоризненно произнес старичок, — я вас зову, а вы не подходите.

— Простите, — извинился Сергей, — я просто не понял, что ваш призыв обращен ко мне.

— А к кому же еще? — удивился старичок. — Кроме вас в аптеке только я. Но я ничего не заказывал.

— Дело в том, — признался Сергей, — что я тоже ничего не заказывал. Я вообще попал в эту аптеку впервые.

— Действительно? — удивился старичок.

— Наичистейшая правда, — подтвердил Сергей. — Живу я на «Снегирях» работаю на Богдашке. В центре бываю не часто и совсем не для того чтобы ходить по аптекам.

— Какие ваши годы, — утешил Сергея аптекарь. — Однако помогите мне разобраться с заказом. Скоренький Сергей Ефимович это не вы?

— Я, — растерялся Сергей.

— Может быть, вы не проживаете по адресу Рассветная 26 квартира 38?

— Проживаю, — поникшим голосом подтвердил Сергей.

— Значит телефон … — старичок назвал номер сотового телефона Сергея, — не ваш?

— Послушайте, — разволновался Сергей. — И имя, и адрес, и телефон мои. Но я ничего в вашей аптеке не заказывал.

— Понятно… — протянул старичок. — Решили над старым человеком поиздеваться? И то верно: дождь еще не кончился. Время девать некуда…

— Да у меня и в мыслях не было над вами издеваться, — заверил старичка Сергей.

— А если не было — извольте оплатить заказ!

Сергей подумал, что откупиться будет лучшим выходом из ситуации.

— Сколько? — спросил он, надеясь, что денег хватит.

— Сто рублей, — отчеканил старичок.

Сергей облегченно вздохнул. Такая малость в его кошельке водилась. Он положил купюру на прилавок.

— Вот сто рублей. Заказ тоже можете оставить себе.

— Нет, — возразил старичок. — Оплатили покупку — заберите товар!

Он выложил на прилавок небольшой бумажный пакет. Сергей взял пакет в руку и пальцами другой руки вытащил из него солнцезащитные очки.

Тем временем ливень прошел мимо бюста Покрышкина, пролился на купола и кирпич собора Александра Невского, на халяву помыл возле автовокзала автобусы, достиг набережной, шагнул за парапет и заплескался в Оби. За окном аптеки упали последние капли дождя. Короткую память о ливне хранили омытая от пыли листва на бульваре да мокрый асфальт. Автомобили давили шинами мутные потоки воды, обдавая грязевой взвесью собратьев по колесу и зазевавшихся прохожих. Ветер сметал с неба последние тучи. Те уже не напоминали черную мохнатую шапку. Они больше походили на заплесневелый сыр весь в дырочках, через которые на землю спрыгивали солнечные зайчики. Несколько зайцев через окно запрыгнули в аптеку и разом подсветили помещение. Теперь Сергей мог рассмотреть нечаянную покупку. Очки очень походили на одну из последних моделей RAY-BAN, но конечно ею не были. Какой RAY-BAN за сто рублей? Судя по цене это даже не дешевая, а очень дешевая имитация. А значит и стекла без поляризации и дужка скоро отвалится. Сергей небрежно сунул очки в карман рубашки, скомкал пакет и стал искать глазами пред утилизатор.

— Не спешите выбрасывать пакет, — раздался за спиной голос аптекаря, — сначала прочитайте памятку.

Сергей разгладил бумагу и на одной из сторон действительно обнаружил письмена.

«Очки „Желание“. Памятка пользователя. Линзы очков покрыты многослойным исполнителем желаний. После исполнения одного желания верхний слой выгорает. Рассчитано на семь применений».

— Глупая шутка! — громко произнес Сергей. Фраза повисла в воздухе. Сергей обернулся, за прилавком никого не было. Представление окончено — клоуны разбежались. Сергей пожал плечами и вышел из аптеки. Вновь скомканный пакет ухнул в нутро первой же урны. Сергей вышел к кинотеатру «Маяковского». Цель поездки достигнута, а радости почему-то нет. Сергей внимательно осмотрел взывающую к нему огромную афишу и понял: кина не будет. Не то чтобы настроение испортилось, просто расхотелось. Сергей отвернулся от огорченной его выбором афиши и направился в сторону Первомайского сквера. Вновь прошел мимо аптеки, не удостоив ее даже взглядом. Аккуратно обошел вход в подземную барахолку. Перешел улицу строго на зеленый свет и оказался в одном из любимейших мест отдыха новосибирцев. Хотел присесть на лавочку, но она еще не просохла после дождя. Сергей повернулся к фонтану. Меж подсвеченных солнцем струй играли радужные сполохи. Глаза слегка слепило. Сергей достал из кармана очки. Выглядели они как фирмовые. Надел. Осмотрелся по сторонам. «Не знаю насчет исполнителя желаний, а поляризационная пленка на линзах похоже есть, — подумал Сергей. — Пустячок, а приятно. Может все-таки в кино? Да ну его, расхотелось. Замутить

бы с девчонками…». Сергей посмотрел в сторону стайки симпатичных девиц в топиках и поясах-юбках на босу ногу.

…ПЕРВОЕ ЖЕЛАНИЕ ПРИНЯТО К ИСПОЛНЕНИЮ…

Фраза, промелькнувшая в мозгу бегущей строкой, не закрепилась в сознании, как и дежурная мысль по поводу девчонок. «Поеду-ка я домой переоденусь и на пляж», — решил Сергей. Он уж было направился к зданию краеведческого музея, в дальний торец которого был встроен вход в метро, как его окликнули.

— Сергей!

Сергей повернулся. За спиной стояли и смотрели на него непонимающими набухшими слезой глазами недавно отмеченные им девчонки.

— Вы меня? — выдавил из себя пораженный Сергей.

— Тебя, кого же еще, — прохныкала одна из девчонок. — Где мутить будем?

— Как мутить, зачем? — чердак штормило.

— Как скажешь, так и замутим. Зачем сами не знаем. Так надо.

— Ничего не надо, — отмахнулся Сергей. — Он мечтал только об одном: исчезнуть с этого места. Лучше всего провалиться сквозь землю.

…ВТОРОЕ ЖЕЛАНИЕ ПРИНЯТО К ИСПОЛНЕНИЮ…

Сергей стоял на платформе станции метро «Площадь Ленина» совершенно не понимая, как он сюда попал. Очки были в руке. Видимо машинально снял. Сергей сунул очки в карман и присел на лавочку в центре платформы. Шторм в голове баллов на десять не меньше. Сейчас подоспеет девятый вал и смоет в дурку на Владимировскую. Но не подоспел и не смыл. Шторм утих, вернулась способность соображать. Очки со стеклами покрытыми исполнителем желаний… Фразы в голове о первом и втором желании… Напуганные девчонки… «Выходит, работает? Да фигня это все…». Сергей вытащил очки и повертел перед глазами, будто пытался разглядеть на линзах пресловутый исполнитель желаний. Не разглядел. Вздохнул и убрал очки в карман. Бред, в который невозможно поверить. Бред, который может свести с ума. Было или не было? «Домой, немедленно домой!». Сергей зашел в последний вагон подошедшего поезда, доехал до «Заельцовской», поднялся на поверхность и за углом сел в автобус. Дома положил очки на стол, улегся на диван и уставился в потолок. Смотрел до тех пор, пока в глазах не заплясали письмена: «Дурак, собери мозги в кучу». Резко вскинулся и сел.

«Чего это я в самом деле? Над чем я ломаю голову? Какая мне разница, откуда ЭТО взялось и как ОНО работает? КТО и ЗАЧЕМ мне тоже побоку. Если ЭТО действительно исполняет любые желания, зачем ЕМУ мешать? А кто сказал что любые? Проверим? Проверим! Хочу стать Владычицей Морскою! Ничего не произошло. Даже бегущая строка по мозгам не пробежала. Вот и сказочке конец. Просто словил тепловой удар и мне все прибредилось. Хотя — очки вот они. Очки! Какой же я болван. Надо надеть очки, а потом желать. Так, попробуем еще раз. Ну ее, эту Владычицу. Хочу быть Гарри Поттером! — … ЖЕЛАНИЕ НЕВЫПОЛНИМО … — Ух ты, работает. Значит, дурацкие желания очки не исполняют. Уже легче. Вот если бы исполнили, был бы я шизанутым очкариком, за которым гоняется еще более шизанутый чародей. Хочу быть директором банка! — … ЖЕЛАНИЕ НЕВЫПОЛНИМО … — И это невыполнимо? Жаль… Или нет? Нет, не жаль. Что бы я делал в кресле директора банка? Не по Сеньке шапка. Значит, чрезмерные желания очки тоже не выполняют. А если так? Хочу автомобиль… — Сергей назвал иностранную модель, о которой грезил иногда в сладких предутренних снах. — … ЖЕЛАЕМОЕ ДОЛЖНО БЫТЬ В ПРЕДЕЛАХ ВИДИМОСТИ … — Вот как… Будет тебе видимость!»…

Кондиционированный воздух автосалона приятно освежал. Сергей уже пять минут крутился подле понравившейся модели, а на него только обратили внимание. Молодой человек в строгом костюме проявил вежливо-отрешенный интерес:

— Могу я вам чем-нибудь помочь?

«Не держишь ты меня халдей за покупателя, ох не держишь, — думал Сергей, глядя на незаинтересованное лицо продавца. — И правильно делаешь. Не покупать я пришел, но брать».

— Можешь, — развязным тоном ответил он на заданный вопрос. — Пригласи-ка мне хозяина салона.

Лицо продавца утратило безразличие. Теперь на нем отражалась смесь из удивления и сомнения.

— Что-то не так? — осторожно поинтересовался молодой человек.

— Все не так и так не будет, пока я не увижу хозяина, — пригрозил Сергей.

Продавец все еще сомневался, когда за их спинами раздался повелительно-спокойный голос:

— Что здесь происходит?

Сергей вслед за продавцом повернулся на голос. О, это был хозяин: дорогой костюм твердый уверенный взгляд, который он вперил в продавца, ибо вопрос был адресован именно ему.

— Вот, Геннадий Викторович, — засеменил словами продавец, — уважаемый покупатель требует вас.

«Неплохая дрессура», — одобрил Сергей. Характеристика «уважаемый покупатель» приятно ласкала слух.

Хозяин автосалона перевел взгляд на Сергея. Мол, вот он я, весь внимание.

— Мне очень понравилось это авто… — начал Сергей.

Хозяин зыркнул вопрошающим взглядом на продавца.

— Вы не дослушали, — надевая очки продолжил Сергей. — Я не собираюсь покупать этот автомобиль. Я только сказал, что он мне нравится.

…ТРЕТЬЕ ЖЕЛАНИЕ ПРИЯТО К ИСПОЛНЕНИЮ…

Хозяин перевел на него удивленный взгляд. Тут же лицо его стало меняться. Уверенность сошла, уступив место беспокойству.

— Что ж… Раз вы не хотите покупать автомобиль… Может примете его в подарок?

Было заметно, что каждое слово дается Геннадию Викторовичу с трудом. Даже пот на лбу выступил.

«Это ж надо, — изумился Сергей, — что очки с человеком вытворяют».

Продавец видимо тоже находился под влиянием магии исполнения желаний. Он замер в подобострастной позе, не выказывая удивления происходящему.

— В подарок… — как бы в раздумье протянул Сергей. — Пожалуй, я соглашусь.

Лицо хозяина автосалона озарила вымученная улыбка.

— И вот еще что, — добавил Сергей. — Не будете ли вы так любезны взять на себя оформление всех документов?

— Конечно, — кивнул головой Геннадий Викторович. — Займитесь, — поручил он продавцу, еще раз выдавил на лицо улыбку и удалился, вытирая пот со лба.

— Паспорт и водительское удостоверение у вас с собой? — деловым тоном осведомился продавец.

— Конечно…

Через два дня Сергей, прихватив парочку лучших друзей, гнал своего нового четырехколесного друга в сторону Алтайских гор. «Жаль отпуск на исходе, а то бы сподобился замутить что-нибудь покруче»…

Пара экспериментов помогла Сергею утвердиться в понимании: очки выполняют не любое желание. Первый раз он вымогал деньги у банкира, второй — клянчил квартиру в строительной компании. Оба раза хозяева высоких кабинетов выслушали его невнятную просьбу с легкой брезгливостью и оба раза в голове промелькнуло: … ЖЕЛАНИЕ НЕВЫПОЛНИМО…

Бабье лето в этом году радовало новосибирцев теплой сухой погодой. Сергей возвращался на своем внедорожнике из поездки в «Ботсад». Там он откушал чистого загородного

воздуха, порадовался золотисто-красному окрасу листвы еще почти полностью остающейся на ветках и лишь немного на лесных тропинках.

Отличное настроение улетучилось под отчаянное ржание его верного скакуна всеми четырьмя шинами упирающегося в дорожное покрытие Бердского шоссе. И все же автомобиль Сергея пусть слегка, но коснулся заднего бампера затормозившего перед ним авто. То, что это хорошо выполненная подстава сомневаться не приходилось. Задок у «крестника» был основательно помят не одним таким столкновением. Сергей еще мучился принятием решения, а из подставыша уже вылезли четверо бугаеподобных братков. Сергей вздохнул и с очками в руке вылез им навстречу. Один из братков сокрушенно покачал головой, как будто впервые видел развороченный зад своей машины.

— Ну ты, мужик, попал, — завел он знакомую по многочисленным сериалам шарманку. — На пару штук «зеленых» не меньше.

Сергей надел очки.

— На пару штук говоришь, — задумчиво произнес он, глядя на братка.

…ЧЕТВЕРТОЕ ЖЕЛАНИЕ ПРИЯТО К ИСПОЛНЕНИЮ…

— Ты чё, глуховат? — начал браток, поднимая взгляд на Сергея. Встретившись с неумолимой магией очков, тут же изменил тон. — А чё, — затянул он плаксиво, — мало да? У тебя ведь только бампер слегка поцарапан.

— Ладно, — смилостивился Сергей, — две штуки за бампер и штука за беспокойство. Гоните бабло и поживее — я тороплюсь!

Остальные братки тоже попали под облучение и не возражали. Когда в руках Сергея оказалась требуемая сумма браток осторожно спросил:

— Ну, мы чё, сваливаем?

— Валите, — одобрил идею Сергей…

До ноября подходящего повода загадывать желание не нарисовалось…

Когда шеф объявил об открывшейся вакансии, Сергей знал что ему делать. Сомнений типа «этично не этично» не возникло. «Если я этой должности не достоин, то просто услышу: „… ЖЕЛАНИЕ НЕВЫПОЛНИМО …“ и все».

Шеф долго не поднимал головы. Сергею пришлось напомнить о своем присутствие легким покашливанием.

— Чего тебе, Скоренький? — шеф наконец-то оторвался от бумаг.

…ПЯТОЕ ЖЕЛАНИЕ ПРИНЯТО К ИСПОЛНЕНИЮ…

— Я по поводу вакансии, Михаил Игнатьевич…

Сергей, не отрывал от начальства взгляда из-за темных очков. А тот уже смотрел на него как бандерлог на Каа и лишь часто моргал глазами.

— Конечно Сергей Ефимович, — пропихнув комок в горло, сказал шеф. — Я и сам хотел вам предложить эту должность. Вот только сомневался, устроят ли вас тридцать тысяч рублей…

«Это при моих-то пятнадцати», — усмехнулся про себя Сергей. Вслух же поправил начальство:

— Вы хотели сказать сорок тысяч?

— А я что сказал? — удивился Михаил Игнатьевич. — Сорок тысяч не считая премиальных.

— Согласен, — просто ответил Сергей…

Чуть позже ему пришла в голову еще одна мысль касательно очков. Они выполняли желание на сто процентов. Ни после появления у него машины, ни сейчас, когда его назначили на должность, никто не поинтересовался, с какого рожна ему так прет. Восхищались? — да. Завидовали? — само собой. Но ни одного лишнего вопроса.

Оставшиеся два желания Сергей сберег аж до Нового года. Отшумев под нескончаемый бой курантов, россияне не спеша осваивали оставшиеся выходные дни. Сергей сидел за столиком уютного кафе и ждал Лиду. Познакомились они на корпоративной новогодней вечеринке. Коллектив, в котором трудился Сергей, не был большим и отмечал праздник в банкетном зале модного ресторана. Одновременно с ними всю оставшуюся часть ресторана откупила более многолюдная фирма. В банкетном зале эстрады не было. Стоит ли удивляться, что ко второй перемене блюд народ из банкетного зала потянулся в большой, где вовсю гремела залихватская музыка. Сергей как увидел Лиду, так весь вечер не сводил с нее глаз, а она его, казалось, вовсе не замечала. С большим трудом Сергею удалось вырвать у круживших вокруг нее поклонников один танец. Так он узнал имя. Потом образовался общий знакомый и в памяти телефона появился номер. День промучился в сомнениях, потом решился и позвонил. Думал, что придется долго напоминать, кто он и где они познакомились. Не пришлось. И имя сразу вспомнила и даже, кажется, обрадовалась. По крайней мере, на встречу согласилась.

Сергей ждал Лиду и боялся одного: бегущей строки в мозгу «… ЖЕЛАНИЕ НЕВЫПОЛНИМО…».

Что заставило его взглянуть в окно? Уличный шум в зал ресторана не проникал. Но он взглянул и увидел, как занесло на скользкой дороге машину и ту боком тащит прямо на стоящую на тротуаре детскую коляску. Молодая мама беседует в сторонке с подругой и еще только начинает поворачивать голову в сторону опасности. Очки в ожидании Лиды под рукой. Водрузить их на нос дело одной секунды.

…ШЕСТОЕ ЖЕЛАНИЕ ПРИНЯТО К ИСПОЛНЕНИЮ…

Откуда взялся парень, который успел оттолкнуть коляску? Ребенка спас, а сам рухнул сбитый неуправляемым железом. Сергей прикрыл глаза. Неужели нельзя было исполнить его желание по-другому? Сергей посмотрел туда, где вокруг сбитого парня собралась толпа. Судя по жестам отчаяния дело плохо. Где же «скорая»? А причем тут она, если под колеса парня толкнуло его, Сергея, желание? «На линзах лишь один слой исполнителя… А как же Лида?..». Сергей решительно тряхнул головой, отгоняя трусливые мысли.

…СЕДЬМОЕ ЖЕЛАНИЕ ПРИНЯТО К ИСПОЛНЕНИЮ…

И следом: … ЛИМИТ ЖЕЛАНИЙ ИСЧЕРПАН… ЛИМИТ ЖЕЛАНИЙ ИСЧЕРПАН… ЛИМИТ ЖЕЛАНИЙ ИСЧЕРПАН…

Сергей снял очки и отложил в сторону. Хорошо хоть за парня можно не волноваться.

— Здравствуйте, Сережа!

Сергей поднял голову, посмотрел на сияющее лицо Лиды и облегченно вздохнул. Заглянуть в глаза счастью можно и без волшебных очков.

Брехунцовские истории

Байка первая

Деревенька наша Верхнее Брехунцово отстоит от любого населённого пункта аккурат на тыщу километров. И от Москвы на тыщу, и от Петербурга, Санкт который, тоже на тыщу, и от Вологды на енто же расстояние. И чё? Да ничё! А то, что и от Владивостока-города тоже на тыщу это чё? Во-о… Брешу? Так у нас в Брехунцово все брешут, менталитет тут промеж нас такой: брехать по любому поводу. Да только я хоть и сбрехал, а сказал одну лишь правду. Енто и учёные подтвердили, которые от Брехунцово расстояние замеряли: куда не замериют, всяко тыща и выходит. Что, и учёные брешут? Вроде как не должны, они же не нашенские…

Так вот… есть из этого правила одно исключение. Всё по понятиям: раз есть правило, должно из него исключение быть! А в исключении ентом говорится, что есть один населённый пункт, до которого от Верхнего Брехунцово не тыща и не две, а не пойми сколько километров, а может и метров, будет! И зовётся это место Нижнее Брехунцово. Раз «нижнее» то, стало быть, должно находиться где-то под «верхним» — енто мы понимаем. Потому в колодцы и заглядываем. Не, не попусту. Оттуда часто и песни слышны, — бабы в Нижнем Брехунцово голосистые! — и голоса, что в гости зовут. Я раз полез, но только зазря вымок, а как вылез, так услыхал вдогон: «Во дурак, поверил!» Такие вот у нас соседи вредные. Есть ли туда поверху дорога? Есть, отчего не быть. Прямо за поскотиной и начинается. Только не всяк по ентой дороге до той деревни дойти могёт. Я пару ходок сделал, всякий раз к поскотине и вертался. А вот кум мой Митрофан Игнатьевич тот сколько раз в Нижнем Брехунцово бывал. Говорит там до сих пор колхоз, и они всё ещё коммунизм строят, а про наши беды верхние только от нас и знают. А ещё он оттуда водку приносит, по три шестьдесят две за бутылку, и папиросы «Север». У них там, сказывает Митрофан, и «Беломор» есть, тот, доперестроечный, но они его пришлым не продают, сами курят. Мы Митрофану кажный раз, как он к соседям соберётся, старые советские деньги по кубышкам собираем на водку по три шестьдесят две и папиросы «Север». Только обмельчали теперь наши кубышки. Так что ежели у кого те советские деньги сохранились, везите к нам, поменяем на сало или на навоз!

Байка вторая

Радугу видали? Ту, что наподобие коромысла кажный раз после дождя над рекой аль над лугом горбатится? А где есть лучшие на Божьем свете коромысельники? Правильно, у нас в Верхнем Брехунцово! Стало быть, и радугу тоже им заказывают. Зимой они, понятно, обычные коромысла мастерят, те с которыми наши бабы по воду ходют, а летом токмо радужные. Краска на радугу идёт особая, очень быстро сохнущая — как высохнет на ярком солнышке, так и невидно её становится. Вот и торопятся наши коромысельники к концу дождя радугу нарисовать и гвоздями к небу приколотить. А гвозди у них особенные. Я просил подержать — не дали.

Байка третья

Как падут на землицу снега белые да пушистые — не поленись, соберись в путь-дороженьку да отмаши тысячу километров: хош на лыжах, хош на ренджовере, а хош пешком, коли валенок не жалко. И увидишь тогда диво дивное. Посреди поля чистого белым снегом заметённого много дыр понатыкано, а из них дымы к небу подымаются — то наши брехунцовские бабы печи топят. Да, вот такая у нас зима снежная — избы выше крыш заметает. А мы и рады. Там наверху, то метель метёт, то мороз лютует, а нам под снежным одеялом одинаково тепло. Почему трубы печные снегом не забивает? А ведь верно, должно забивать! Ты молодец, мы, сколь лет живём, а ни разу над энтим не задумались, а ты сразу просёк. Молодец! Образованный, наверное? Чё, говоришь, кончал? НГУ? Это где ж такое есть? В Новосибирске? Уважаю! А у меня только два курса Кембриджа да три курса Сорбонны — вот и всё моё образование. Не веришь? И не надо! Только дымы к небу всё одно через снег пробиваются! Как мы так всю зиму живём? Хорошо живём! По воду не ходим. Открыл дверь, зачерпнул снега, вот тебе и вода. Так и черпаем по направлению друг к другу. К середине зимы тоннели от дома к дому и прочерпаем. Тогда совсем весело становится. В гости друг к другу ходим, песни поём, сказки рассказываем. Насчёт сказок веришь? Ну, хоть что-то… Чем питаемся? Чего с осени напасли тем и питаемся. Мукой запаслись — хлеб печём, крупой запаслись — кашу варим, сахаром запаслись — чай, кофе пьём. Про молоко, мясо и яйца спрашиваешь? Я тобой восхищаюсь! Молоко и мясо в хлеву мычит и хрюкает и в курятнике квохчет, там же (в курятнике) и яйца. Тут главное солью не забыть запастись. Скучно, говоришь? Так по дому дел много, скучать некогда. А коли найдётся свободная минутка поскучать тут тебе и телевизор и интернет. Откедова? А бес его знает откедова! Ты вот, дачеча, про трубы печные спрашивал, отчего их снегом не забивает. Так я тебе скажу: отчего трубы снегом не забивает, оттого и телевизор с интернетом у нас есть — есть и всё! Не, в Нижнем Брехунцово интернета нету. У них ведь там всё как при Советской власти: власть есть, а интернета нет. Телевизор есть. Только экраны у телевизоров все заплёваны. Такой там у них менталитет: старое кино смотрят, а в остальное плюют. Ну да, не фигурально. А вот тут ты не угадал. Молодёжь у нас часами за компьютером не сидит, потому нет её зимой — молодёжи. Молодёжь наша по первому снегу в города подаётся там и живёт до весны. В какие города? Так от нас до любого города тыща километров — в любые и подаётся. В Москву подаётся, в Париж подаётся, в Мельбурн подаётся. На что живёт? А что у нашего Головы из сундука возьмёт на то и живёт. Нам для нашей молодёжи миллиона другого не жалко. Почему рублей? Хотя и их тоже. А так же долларов, евро и прочих тугриков. Откуда у Головы в сундуке такое богатство? Так мы травку волшебную продаём. Выращиваем на полях и по всему миру бандеролями отправляем. Тем сундук и полнится. Не, не конопля. Коноплю в Нижнем Брехунцово выращивают как при Советской власти. А наша травка позаковырестее называется… Как говоришь? Точно! Енто срамное название: марья хуяна. Неверно? А как? Марихуана? А я что сказал? По ихнему Мари, а по-нашему Марья. А хуана, она и в Африке хуана, хоть через «а», хоть через «я».

Всё, говоришь, фигня. Говоришь, не веришь нашему брату? Экий ты неверующий. Вся страна верит, а ты не веришь! Как это про кого это я? Про братуху мово, который теперича в больших верхах в Москве сидит, кажный день его по телевизору кажут. Не из Брехунцово, говоришь? А откель? А туда он откеда попал? Наш он, брехунцовский, точно!

Взлётное происшествие (брехунцовские истории)

Слухай сюда, неместный. Случилась эта история не так давно, кажись, аккурат в прошлый четверг и случилась. Задал я в то утро корму свиньям и вышел к плетню, глянуть чегойт на белом свете деется. Только, значит, цигарку засмолил, глянь, а мимо мово плетня Митрофан Игнатьевич, кум мой, стало быть, во главе колонны шествует. Небольшенькой такой колонны: человека четыре, он пятый — не боле. И все «колонисты», окромя Митрофана Игнатьевича, как один в летном обмундировании. Смекаешь? Вот и я ни хрена не понял. Однако в тот раз допрашивать кума не стал. Не дело сельчанину, да еще почитай родственнику, при пришлых людях допрос чинить. Тотысь мы с кумом только раскланялись молча. А историю тех летунов он мне уже по другому разу поведал…

…Каким ветром занесло те два вертолета в Нижнее Брехунцово — бог весть. Пурга в тот день была — ни зги не видно! Вот она, видать, и занесла — пурга, не зга. То бы ничего, да угораздило вертолетчиков совершить посадку прямо возле Николькиного чума. Откель, спросишь чукчин чум — а Николка чукча, точно! — в Нижнем Брехунцово образовался? Отвечаю: хрен его знает! Вечером чума не было, а утром вот он — стоит. У хрена, понятно дело, не спросишь, спросили у Николки. «Кочевал, однако. Заплутал, однако». Вот и весь сказ. Дитя природы, однако…

Ну, летуны как сели, так из вертушек прямо в чум и ломанулись. Соображают. Там теплее! А в чуме и впрямь натоплено — спасу нет. Николка в своей душегрейке сидит, потеет, трубку сосет, на гостей незваных сквозь щелочки, за которыми глаза спрятаны, поглядывает. Те люди бывалые — бутылки со спиртом перед хозяином выставили, вопрос о постое, стало быть, решили. Сразу до трусов разделись — они ведь не чукчи такой жар в одёже терпеть. Сидят, спирт попивают, хозяйскими припасами заедают. И когда первый экипаж всем табором в дальнем углу чума спасть приспособился, вот тогда промеж Николки и командиром другого экипажа разговор интересный вышел. Николка возьми да и скажи: «Хорошая вещь вертолет, однако…» А командир другого экипажа и брякни: «Купи, коли понравился!» Прикололся, значит. Только чукчи, они приколов не понимают. Достал Николка торбу из оленьих шкур сшитую — у каждого чукчи такая торба есть — пачками денег набитую и отсыпал кучку малую прямо командиру под ноги. «Хватит?» Тот комок в пересохшее горло сглотнул. «Добавь», — говорит. Николка нахмурился, но отсыпал еще. Потом говорит: «Больше не дам, однако!» Командир охрипшим голосом: «По рукам!» Николка хмурится. «Нехорошо, однако. Какой, — говорит, — „по рукам“? Бумагу пиши!» Достает лист бумаги, ручку и кладет перед командиром. Не будь летун и так весь в поту, тот бы у него точно на лбу выступил. А так только рука немного трясется, в которую бортмеханик вцепился. «Ты чё, Николаич, охренел? Как за вертушку отчитываться будем?» Тот руку вырвал «Не мешай!» И бумагу написал. Так мол и так. Продан чукче Николке вертолет бортовой номер… ну и так далее. Николка бумагу внимательно прочел, сказал: «Хорошо, однако», и пошел спать. А промеж летунами, что уже совсем протрезвели, страшным полушепотом разговор пошел. «Ты чё, командир, наделал? Сядем ведь…» «Ты меня совсем за дурака-то не держи. Я в бумагу ихний бортовой номер вписал, — кивнул командир на другой экипаж. — Метель, кажись, кончилась? Иди, прогревай двигатель». «А как же…» — механик кивнул на спящих летчиков. «А никак. Встанут утром и улетят. Ничего он им не сделает!»

Утром летчики из первого экипажа глаза продрали, оделись, из чума вышли и видят такую картину. Второго вертолета нет в помине, а возле ихнего сидит Николка с карабином, рядом на снегу собаки лежат…

Чего не спрашиваешь, что было дальше? Чего плечами жмешь? Какой ты, однако, неместный… Ну вот, другое дело. Сразу бы так!

Прочел, значит, командир экипажа бумагу, что другой командир составил, показал остальным летунам, и решили они наперво эту бумагу обсмеять. Хохочут, чуть с ног не падают. Один чукча не хохочет — хмуриться. Ладно. Тодысь решили летуны вертолет силой забрать. Достал командир пистолет и ну им чукче грозить. Когда решил сделать последнее китайское «серьезное предупреждение» и выстрелил в воздух, чукча выстрелом из карабина пистолет из шаловливой ручонки-то и выбил. Дела… Тогда решили летуны у местной власти на чукчу управы искать. А власть в Нижнем Брехунцово, ежели ты забыл, все еще советская. И спросила власть: советский был вертолет, али нет? Ах, нет… Ах, прихватизированный… Ну так вы его наперво, говорит власть, расприхватизируйте, власть у себя законную Советскую восстановите, вот тогда мы вашей челобитной и ход дадим, и чукчу к порядку призовем. А пока — звиняйте! Тут мимо кум мой, Митрофан Игнатьевич, проходил водкой по три шестьдесят две и папиросами «Север» затаренный. Власть ему в нагрузку ентих горемык и приспособила. Дальше ты знаешь…

Знаешь, но не веришь, по глазам вижу; брешу, думаешь? Может оно, конечно, и так. Но вертолет тот и по сей день возле Николкиного чума стоит…

Здравствуйте, дорогая мама!.. (Брехунцовские истории)

— Чего, Любка, сияешь, как медный таз? Письмо от Сашки получила? Давай, хвались… Не, ну чё сказать, наш парень, брехунцовский!
На-ка, нездешний, почитай, какие письма наши ребята матерям из армии пишут.

«*Здравствуйте, дорогая мама! С армейским приветом ваш сын Александр. Живу я хорошо, чего и вам желаю. Встретили меня в армии радушно. Отцы-командиры и товарищи «дедушки» мной довольны. Часто отмечают перед строем. А если я чего делаю не так, то терпеливо и вдумчиво мне это растолковывают, и совсем не больно! Недавно принял присягу и меня тут же распределили в разведку. Утром распределили, а уже в обед мы летели над необъятными просторами нашей Родины на десантном самолете. Когда уже смеркалось, нас сбросили на парашютах прямо в бушевавшую на земле метель. Приземлились кучно, построились и пошли на лыжах за товарищем лейтенантом Тряпочкиным — он, наверное, знал куда. Однако вскоре заблудились. Товарищ лейтенант Тряпочкин увидел торчащую из земли ветку и решил возле нее переночевать. Когда товарищ лейтенант уснул рядовой Гамов — из Москвы — привязал ногу товарища лейтенанта к веточке. Я возражал, но он меня не послушал. Утром я проснулся от громких криков товарища лейтенанта Тряпочкина. Он так красиво выражался — заслушаешься! Потому я долго не открывал глаза: слушал выражения товарища лейтенанта Тряпочкина. А когда открыл, был ослеплен ярким солнечным светом. Оглядевшись по сторонам, я так удивился, что даже перестал слушать товарища лейтенанта. Дорогая мама! Я сидел прямо посреди зеленой лужайки, а вокруг меня на моих же глазах распускались чудесные цветы. Я подумал, что все еще сплю. Но товарищ «дедушка» сержант Самойлов быстро объяснил мне и моим товарищам, что мы не спим, а служим в Российской армии. Просто нас забросили в самую настоящую тундру. И тут как раз наступил полярный день. Впервые после долгой полярной ночи на небе появилось солнышко. Оно-то и растопило накопившийся за многие месяцы, что была полярная ночь, многометровый слой снега. И тут мы все вспомнили про товарища лейтенанта Тряпочкина, который все еще красиво выражался, правда, уже не так громко. Очень скоро мы поняли, что крики доносятся как бы сверху. Подняв головы, мы тут же увидели товарища лейтенанта Тряпочкина висящим вниз головой на высокой лиственнице. А ведь я говорил рядовому Гамову, — будь здорова его мама тоже! — что он совершил нехороший поступок, привязав ногу товарища лейтенанта Тряпочкина к веточке, которая на поверку оказалась макушкой той самой лиственницы. В это время из дальних чумов стали выходить чукчи. Им видно тоже понравилось, как красиво выражается товарищ лейтенант Тряпочкин, и они стали перемещаться в направлении лиственницы. Тогда товарищ лейтенант приказал: «Пристрелите меня, чтобы я своим видом не позорил Российскую армию в глазах местного населения!» Нам всем было жалко товарища лейтенанта Тряпочкина, но приказ есть приказ. Товарищ «дедушка» сержант Самойлов взял в руки автомат, и уже совсем было изготовился, как ему в глаз попала соринка. Тогда товарищ сержант передал автомат мне, чтобы я исполнил свой воинский долг. И я исполнил! Но к своему стыду должен признаться, что в товарища лейтенанта Тряпочкина я не попал. Простите меня, дорогая мама, я обязательно научусь метко стрелять! А так я попал только в веревку. Пока товарищ лейтенант Тряпочкин летел с верхушки лиственницы, он всю дорогу выражал мне и остальным моим товарищам глубокую благодарность. Когда местное население приблизилось к лиственнице, мы уже построились и во главе с прихрамывающим товарищем лейтенантом Тряпочкиным с лихой песней продолжили выполнять важное задание командования.*

Другой раз, дорогая мама, мне довелось отличиться во время учений. Перед нашим подразделением командование поставило задачу: провести разведку в тылу условного противника. Товарищ лейтенант Тряпочкин построил взвод и спросил: есть ли среди нас добровольцы? Шаг вперед сделал лишь я один, за что особая благодарность товарищу «дедушке» Кадырову, который, находясь во второй шеренге, придал с помощью волшебного пендаля необходимое ускорение моему молодому телу. Товарищ лейтенант Тряпочкин распорядился выдать мне сбрую, с помощью которой я закрепился прямо на боеголовке крылатой ракеты. Прошла команда, и ракету запустили в сторону условного противника. Дорогая мама! Трудно передать словами те чувства, которые я испытал во время этого полета. Ракета стремительно летит низко над землей. Ветер свистит в ушах. А я отмечаю на карте места расположения условного противника. Прямо над штабом «синих» — сам я играл за «красных», мама, — мне удалось с помощью удил лихо развернуть ракету и на глазах изумленного условного противника улететь с добытыми сведениями к своим.

Дорогая мама! Остальные свои подвиги я опишу в следующем письме, а то товарищ лейтенант Тряпочкин объявил построение, а мне на него опаздывать строго не рекомендуется. Целую, любящий вас сын Александр».

Мастер
(фантастический рассказ)

— Ты чем ему патроны снарядил?

— Восьмёркой.

— Ты чё, охренел? Тебе косуля рябчик чё ли?

— А ты чё, хошь чтобы он в тебя полукартечью влупил? Так, поди, замени. Но я, тоды, близко к нему не подойду. Он же с бодуна.

— Да вижу я… А как же охота?

— А чё? Охота она у каждого своя. Ему охота палить по чему ни попадя. Нам охота домой живыми вертаться. А косулю мы ему и сами подстрелим.

— И то верно…

… — Ну, чё он там?

— Палит…

— Ento я слышу. В кого палит-то?

— Хрен его знает… Ядрён батон! В лес ломанулся.

— Бля… Бежим за им…

… — И куды он подевался?

— Да кто его разберёт? До ентова куста след есть, а дале пропал.

— А чё за капли… никак кровь?

— Матерь божья… Скликай народ!

***

Охотничий азарт крепко сцепился с похмельем. Степан Иванович резво бежал по следу. Кровь с подранка не то чтобы хлестала, но путь беглеца помечала чётко. «Врёшь, от меня не уйдёшь!»

Подобная мысль в голове Степана Ивановича, несмотря на всего лишь тридцать с хвостиком, вовсе не была пустозвонством. Последние несколько лет от него действительно редко что уходило. Успех вскружил голову, и преуспевающий бизнесмен возгордился. Он и сам себя величал не иначе как Степаном Ивановичем, а уж другим и подавно иного не позволял. Исключение делалось лишь для близкой родни, так, может, потому и виделись нечасто — деньгами осыпал щедро, но в гости захаживал редко, а к себе и вовсе не приглашал. Остальным спуску не было. Как-то заглянул на встречу одноклассников. Так, там один урод его Стёпкой назвал. Зыркнул глазами Степан Иванович и наглеца от своей персоны отлучил раз и навсегда…

След вывел Степана Ивановича на поляну. Подранок лежал в дальнем конце, вконец обессилел от потери крови. Простреляннный бок тяжело и часто вздымался. Степан Иванович вскинул «вертикалку» и нажал на спуск. Выстрела не последовало. «Чёрт, я ж в азарте с обоих стволов пальнул». Перезарядив ружьё, Степан Иванович поднял голову и обомлел. В паре метров между ним и подранком стоял огромный волк, шерсть на загривке стояла дыбом. Ствол ещё только начал подниматься от земли, когда огромная серая масса, совершив прыжок, опрокинула Степана Ивановича. Последнее что он запомнил, были ужасные клыки и капающая с них слюна.

***

Вслед за сознанием вернулось похмелье. Очень хотелось пить. Степан Иванович открыл глаза. Первым увидел ковш. Не раздумывая, приложился и выпил в один присест. Похоже на брусничный морс. Немного полегчало. Попробовал сесть. Резко повело и отбросило назад. Мысли смешались, и Степан Иванович погрузился в сон.

Когда проснулся, в голове было ясно. Похмелье отпустило. Сразу вспомнил о волке. Вроде никаких повязок нет, да и не болит ничего. «Может, привиделось?». Открыл глаза, сел. «Изба какая-то. Печка. Свет через оконце. А подо мной что? Кажется, это называется топчан. Застелен шкурой, не поймёшь чьей. В дальнем углу мужик над чем-то возится. Из-за спины не видно». Степан Иванович встал. «Ничего, ноги держат». Побрёл в сторону мужика. Тот даже не обернулся, хотя шагов не слышать не мог. Степан Иванович подошёл ближе и произнёс: «Здравствуйте». Мужик, не оборачиваясь, что-то буркнул, видимо, ответил на приветствие. Теперь Степан Иванович разглядел, чем тот занят. Перед мужиком на столе лежала косуля, и тот пинцетом вынимал у неё из бока дробины. Животное терпеливо переносило процедуру, лишь подёргивалось при каждом вхождении пинцета в плоть. Мужик бросил в банку очередную дробину, последнюю, и выпрямился.

— Лежи, лежи, — он рукой придержал встрепенувшееся, было, животное, — я ещё рану не обработал. — Потом повернулся к Степану Ивановичу.

— Любуетесь на дело рук своих?

Мужик был невысок ростом, но кряжист. Лицо, напротив, интеллигентное. Борода и усы ухоженные. Умный уверенный взгляд. Любой джедай нашёл бы в нём источник силы. Степан Иванович джедаем не был, но силу уважал, поскольку и себя считал причастным. Потому и произнёс без заносчивости, лишь чуть насмешливо:

— Значит, признаёте, что это моя добыча?

Мужик предложенный тон не принял, ответил серьёзно:

— Он ваша добыча, я вы — его, — мужик кивнул куда-то в сторону. — Как поступим?

Степан Иванович проводил кивок взглядом и напрягся. В стороне сидел давешний волк и нехорошо скалился.

— Расслабьтесь, — успокоил мужик, — Серый вас не тронет.

— Серый? — переспросил ещё не отошедший от потрясения Степан Иванович.

— Ну да, Серый, — подтвердил мужик. — Он же волк. Как его ещё назвать?

Что супротив такого возразишь? Степан Иванович лишь кивнул в знак согласия.

— А вот Васькиных копыт опасайтесь, — продолжил мужик, одновременно обрабатывая рану на боку косули. — Он вам выстрела не простит.

Спрашивать, кто такой Васька было глупо, но вопрос всё-таки нашёлся:

— Почему Васька?

— А почему нет? — в свою очередь, спросил мужик.

И на это возразить тоже было нечего.

Мужик закончил врачевание и слегка хлопнул косулю по заду.

— Можешь бежать. Завтра загляни, посмотрю, как подживает.

Васька спрыгнул со стола. Степан Иванович благоразумно прижался к печке, уступая косуле дорогу. Васька покосился, но драться не полез, подбежал к двери, толкнул её лбом и был таков.

Мужик указал Степану Ивановичу на лавку.

— Присядем?

Думалось, это было приглашение к беседе. Степан Иванович занял указанное место. Мужик расположился подле. Волк тоже сменил позу: лёг на пол, по-собачьи положив тяжёлую голову на передние лапы.

— Как ваше имя, сударь? — спросил мужик. — Меня величайте Мастер.

— Почему сударь и чего вы мастер? — выпалил дуплетом Степан Иванович.

Мужик посмотрел, очевидно насмешливо.

— А как вас иначе именовать? На господина вы, извините, не тянете, — Степан Иванович жутко оскорбился, но решил до времени сдерживаться, — а слово товарищ в моём лексиконе не прижилось. Может, вам больше нравится гражданин?

— Уж лучше сударь, — буркнул Степан Иванович. — А, вообще, меня зовут Степаном Ивановичем.

— Хорошее имя, — одобрил мужик. — А Мастер я не чего-то, просто Мастер. Так и величайте.

— Ну, Мастер так Мастер. — Степану Ивановичу пришлось приложить усилие, чтобы придать голосу непринуждённости. — Спасибо вам за приют и за ласку. Буду собираться. Если покормите на дорожку — не откажусь, а нет, так потопаю.

— Отчего не накормлю? — накормлю. Пересаживайтесь, Степан, за стол.

Не услышав привычного отчества, Степан Иванович скривился, но решил терпеть до конца, благо, недолго осталось. Он пересел за стол, на котором вмиг появились крынка молока и ломоть хлеба. И молоко, и хлеб были хороши, но вкус имели странный. Насытившись, Степан Иванович поблагодарил за еду и вышел из-за стола.

— Ну, мне пора, — произнёс он тоном, не допускающим возражений. — Да, сколько я вам должен за беспокойство, включая обед? Кстати, где моя куртка?

— Куртка висит возле топчана, а плату я в этот раз не возьму.

— Что значит «в этот раз»? — спросил Степан Иванович, снимая куртку со стены.

Мастер слегка смутился, словно сморозил что-то не то.

— Не берите в голову, может, это действительно ничего не значит. Кстати, вы не спросили про дорогу, но это и не важно. Если суждено, то всё равно выйдете куда надо.

«Загадками изъясняется лесовичок», — подумал Степан Иванович, буркнул «Прощайте!» и вышел вон.

Возле крыльца он надолго не задержался. Вспомнил карту и уверенно направился прочь от клонящегося к закату солнца. Шёл, не оборачиваясь, потому не заметил, как от дома к лесу метнулась серая тень.

**

Про ружьё вспомнил, когда от избы отошёл, казалось, уже далеко. Решил не возвращаться. «Доберусь до базы, пошлю кого-нибудь». Лес не был похож на тот, в котором он охотился. Когда гнался за косулей, в запале не приметил, а сейчас обратил внимание: этот был гуще. Под сенью разлапистых елей смеркалось быстро. Встревожился, что придётся ночевать в лесу, но, кажется, обошлось. Лес поредел, и Степан Иванович вышел на поляну.

Было ещё достаточно светло чтобы сообразить: случилось непонятное. Солнце хоть и цеплялось теперь за верхушки елей, но по-прежнему светило в спину. А вот изба Мастера торчала прямо пред ним, хотя ей полагалось быть далеко сзади. В подтверждение того, что ему не грезится, дверь отворилась, и на порог вышел Мастер. Он сочувственно посмотрел на Степана Ивановича и произнёс:

— Видно, не срок вам домой возвращаться. Поживёте пока тут.

— Что значит не срок?! — взорвался Степан Иванович. Он сделал угрожающее движение в сторону Мастера, и сразу же за спиной раздалось громкое рычание. Обернувшись, Степан Иванович увидел готового к прыжку волка. Давненько ему не приходилось ощущать себя таким беспомощным. Степан Иванович опустился прямо на траву и уже безо всякой злости попросил:

— Объясните, пожалуйста, что происходит?

Мастер спустился с крыльца, присел на завалинку и поманил Степана Ивановича к себе. Когда тот сел рядом, заговорил:

— Звери и птицы сюда попадают беспрепятственно. Люди забредают редко и находятся здесь по-разному: дни, недели, месяцы.

— Ты ещё скажи годы, — вновь начал сердиться Степан Иванович.

— Нет, год здесь не прожил ещё никто, — спокойно возразил Мастер. — И, пожалуйста, продолжайте называть меня на «вы».

Степан Иванович упрямо поджал губы, а Мастер, вроде бы и не ожидая ответа, продолжил:

— Сам я это место не покидаю никогда. Но о том, что происходит в миру, знаю. Откуда — не спрашивайте. Всё одно не отвечу. Сколько вам здесь быть — не знаю. Это решаю не я.

— А кто? — спросил Степан Иванович.

— Этот вопрос я тоже оставлю без ответа. — Мастер встал с завалинки. — Идите в дом. Я покормлю вас ужином. Только учтите: это в последний раз без оплаты. С завтрашнего дня, если хотите получать еду, придётся работать.

— Я могу заплатить. — Степан Иванович достал из кармана куртки пачку стодолларовых купюр. Отсчитал десять и протянул Мастеру. — Хватит?

Мастер смотрел на него с сожалением.

— Какие вы, право, одинаковые, те, у кого много таких бумажек. К чему они мне? Я ведь объяснил: мне из этого места дорога заказана.

Степан Иванович убрал деньги.

— Что за работа?

— По хозяйству: помыть, принести, наколоть.

— Ладно, утром решим. — Степан Иванович решительно направился в дом.

Утром Степан Иванович молча собирался в дорогу. Наблюдавший за его действиями Мастер спросил:

— Решили опять искать дорогу, без завтрака?

— Перебьюсь, — буркнул Степан Иванович. — Кстати, где моё ружьё?

— А ружья вы больше не увидите, — твёрдо ответил Мастер.

От вспышки гнева Степана Ивановича не остановил даже волчий оскал.

— Как это не увижу?! Да ты знаешь, сколько оно стоит?!

— Я знаю одно: Ваське оно едва не стоило жизни, — ответил Мастер.

Степан Иванович сразу обмяк, буркнул «Хрен с тобой» и вышел за дверь.

По лесу он бродил до вечера. Пил из ручьёв, ел ягоду — жажду утолил, а голод — нет.

Шесть раз выходил к дому и вновь уходил в лес. На седьмой сдался. Уселся на завалинку и тупо уставился под ноги. Так и сидел, пока не вышел Мастер и не присел рядом.

— Не тратьте силы попусту. Я вам подскажу, когда придёт срок.

— Вы ведь сказали, что не знаете этого, — вяло отреагировал Степан Иванович.

— Не знаю — пока не знаю, а как узнаю — скажу.

Сил дискутировать не было, и Степан Иванович лишь обречённо махнул рукой.

***

В тот вечер Мастер покормил его в долг, а наутро Степан Иванович приступил к работе. И в тот, и в последующие дни он не раз поминал добрым словом отца. Батя Степана Ивановича, хоть и жили они в городе, предпочитал хозяйствовать своими руками. И сына приучил. Отцова наука пригодилась, когда Степан Иванович покинул родительский дом: во время учёбы в институте, в стройотряде, но особенно, когда он только-только начинал свой бизнес, и многое пришлось делать своими руками. Правда, последние пять лет ни пила, ни молоток в руки

не попадали, но навыки сохранились. Не обошлось, конечно, без ссадин и ушибов, так на то она и грубая мужская работа.

За время пребывания Степана Ивановича в доме Мастера конфликт у них вышел один раз: по поводу мясного. Степан Иванович заметил на столе миску с мясом и потянулся, было, к куску, но рука его была перехвачена рукой Мастера и выдворена на место. Хватка у лесовика была — не вырвешься. Степан Иванович, потирая запястье, зло спросил:

— Вам, значит, мясо можно, а мне нет?

Впервые в голосе Мастера был гнев:

— Я ем только то мясо, которое мне приносят звери в качестве доли от добычи. Такой тут порядок. Никто никого не убивает попусту. Вы же хотели убить ради забавы. Таким мясо есть не положено!

**

Уже через несколько дней Степан Иванович втянулся в лесную жизнь и даже без недовольства, стал откликаться на имя без отчества. Мастер доверил ему всю работу по дому кроме одной: сам пёк хлеб. Молоко он носил из леса, оттуда же таскал муку. Из чего и где он её молол — не говорил. Сам месил тесто, сам ставил в печь.

Примерно через неделю совместного проживания Мастер сказал:

— Трава в рост пошла. Пора косить. Справитесь?

Степан лишь кивнул головой, усмехнувшись про себя: это он умел! Сразу вспомнилась деревня, где они с отцом помогали овдовевшей тётке Варваре, маминой сестре, заготавливать сено. Там и научился Степан держать в руках косу. И тут же вспомнилась она, Ниночка — Нинка, ягодка — малинка. Ох, и накувыркались они тогда в свежескошенных стогах, намиловались вволю…

После покоса Мастер стал брать Степана в лес. Показывал, где какая трава растёт и много ли с неё пользы, где какой зверь живёт или птица гнездует.

Иногда к дому Мастера приходили или прилетали подранки вроде Васьки. Степан помогал их врачевать, усмехаясь при этом: «Прямо Айболит!».

Во время совместных прогулок Мастер, помимо того, что говорил сам, слушал рассказы Степана о его расчудесной жизни там, за кромкой леса. Один раз Степан уж сильно расхвастался своими достижениями. Мастер остановил его, выставил руку ладонью вверх. На ладонь тут же села бабочка. Мастер придвинул ладонь к Степану.

— Раскройте свою!

Степан повиновался, и бабочка доверчиво перепорхнула на его огрубевшую за эти дни ладонь.

— А вот такое чудо сотворить сможете? — спросил Мастер, явно подразумевая бабочку.

Степану стало отчего-то очень обидно, и он сжал ладонь. Тут же устыдился своего поступка, но Мастер не стал его ругать.

— Покажите, — попросил он.

Степан разжал ладонь. Бабочка лежала с поломанными крылышками и едва трепыхалась.

— Сможете оживить? — спросил Мастер.

Степан отрицательно покачал головой. Он изо всех сил держался, чтобы не разрыдаться, прямо тут, от собственной глупости и бессилия.

Мастер пододвинул ладонь.

— Отдайте!

Степан осторожно стряхнул бабочку на ладонь Мастера. Тот аккуратно сдвинул пальцы, закрыл глаза, и замер, беззвучно шевеля губами. Через пару минут раскрыл ладонь. Бабочка вновь была цела. Она взмахнула лёгкими крылышками и улетела прочь.

***

Прошёл месяц. По ночам стало холодать, и как-то Мастер попросил Степана разжечь камин. — Изба-то была большая. Нашлось место и для камина. — Степан заложил дрова, потом огляделся в поисках бумаги на растопку. На глаза попалась какая-то ветхая книга. Мастер явно держал её здесь именно для этой цели. Степан вырвал из середины несколько листов, засунул под дрова и поджёг. Пока камин разгорался, Степан от нечего делать заглянул в книгу. Ни начала, ни конца у той не было. А теперь не стало ещё и середины. Первые же прочитанные строчки заставили брови Степана удивлённо приподняться.

«… Конец света случился в середине лета, или зимы, в зависимости от географической широты. Утром, вечером, днём или ночью — это уже в зависимости от географической долготы. Случился разом на всей Земле и околоземном пространстве. Луну, правда, это не затронуло, но тем, кто на ней находился, это помогло мало…».

Раздались шаги, и в комнату вошёл Мастер. Степан кивнул на книгу.

— Фантастикой увлекаетесь?

Мастер досадливо поморщился, как будто допустил какую-то оплошность.

— Вам не следовало её читать. Я не волен запретить, но лучше не продолжать.

После этих слов Мастер покинул комнату, а Степан продолжил чтение.

«… Конец света наступил буднично, в тот день, когда его никто не ждал, самое характерное, пришёл оттуда, откуда его приход никем не ожидался, кроме полусумасшедших фантастов. Существует понятие БПП — болевой природный порог, за которым Природа больше не в состоянии терпеть над собой издевательства порождённого ей же Разума. Вот тогда и происходит «Тихий Взрыв». Происходит удивительно просто и до слёз обидно для тех, кто давно уже возвёл себя в ранг «венца творения». Природа просто приостанавливает полностью или частично действие некоторых физических законов, лежащих в основе существования Разума. После «Тихого Взрыва» на Земле и в околоземном пространстве стало невозможно добыть огонь и выработать электроэнергию любым известным способом. Первыми погибли экипажи и пассажиры всех находящихся в воздухе летательных аппаратов, которые попросту разбились о твердь или воду, разом потеряв способность летать. Затем пришёл черёд подводников, космонавтов на околоземной орбите, шахтёров, пациентов клиник и многих других, чьё существование было напрямую связано с работой различных машин, приборов и аппаратов. Им, можно сказать, «повезло». Они не увидели агонию человечества, которая растянулась на годы…

…На Луне остались и огонь, и электроэнергия, но после того, как была потеряна связь с Землёй, в сердцах «лунатиков» поселился Страх. Когда они устали с ним бороться, то ушли из жизни, оставив предсмертную записку: «Мы не понимаем, что случилось на Земле, — говорилось в ней. — Но мы догадываемся, что случилось что-то ужасное. Сначала пропала связь. Потом сканеры показали, что с Земли не поступает ни одного сигнала искусственного происхождения. Мы продержались два месяца. Больше не выдержали. Отправили на Землю свой единственный аварийный шаттл. Пропал и он. Сегодня исполняется полгода с начала катастрофы. А в том, что на Земле произошла катастрофа, мы больше не сомневаемся. Жить дальше и ждать когда закончатся запасы жизнеобеспечения, мы не хотим. Нам страшно. Нам очень страшно!!! Прямо сейчас устроим весёлую вечеринку, после которой людей на Луне не останется. Прощаете и не осуждайте нас…».

**

…На первоначальной стадии «Тихий Взрыв» не сопровождался природными катаклизмами. Это существенно затормозило реакцию властей на происходящее. Разум более активно противится катастрофе явной, чем катастрофе ползучей…

…Высокопоставленный сотрудник Федеральной службы охраны, отвечающий за безопасность загородной резиденции президента России, проснулся за миг до того, как его осторожно потеребили за плечо.

— Что случилось? — спросил полковник у склонившегося над ним офицера.

— Пять минут назад прекратилась подача электроэнергии на объект.

Голос подчинённого показался полковнику растерянным.

— Тревогу объявили? — полковник был уже на ногах и быстро одевался.

— Сразу же.

Полковник бросил взгляд на настенные электронные часы. Табло не горело.

— Перейти на автономное энергоснабжение, как я понимаю, не удалось?

Полковник взял с прикроватной тумбочки механические наручные часы. Стрелки показывали семь минут шестого.

— Не удалось… — в голосе лейтенанта слышалась какая-то недоговорённость.

— Что ещё? — поднял на него глаза полковник.

— Связи тоже нет… никакой.

Полковник сматерился и направился к двери.

«Хозяина» разбудили час спустя. Информации к этому времени удалось собрать много, и хоть бы какая-то была позитивной. На территории резиденции не работало ничего. Совсем ничего. Не было электричества, связи, воды. Не заводился транспорт. Та же картина наблюдалась на близлежащих объектах. С более дальних мест разведчики пока не вернулись.

Президент вышел на открытую террасу. Июльское солнышко, только-только поднявшееся над кронами деревьев, отворило калитку, и выпущенные на волю зайчики резво плясали по полу и стенам. В зелёной листве разноголосо щебетали большие и малые птахи. Дышалось легко и вкусно. Президент вздохнул: «Война? Не похоже. Тогда что?.. Пока ясно одно: я нахожусь в изоляции. Государственный переворот? Но кто, и, главное, зачем?!». Возвращение дальних разведчиков ситуации не прояснило. Везде происходило одно и то же. Электричества нет. Транспорт стоит. Паники, правда, не наблюдается — одно лишь сплошное недоумение. Но это пока.

Ближе к вечеру возле резиденции остановилась запряжённая парой лошадей коляска в сопровождении кавалерийского почётного эскорта из состава Президентского полка…

…За окном Овального кабинета сгустились сумерки, когда перед президентом США погас экран монитора. Белый дом погрузился в темноту, как и вся страна, символом которой он служил. Всё ещё глава самого мощного на Земле государства сидел в темноте и пытался угадать: кто напал на его страну? В том, что это было нападение, сомнений у президента не было. Ему уже доложили о том, что в столице повсеместно прекращена подача электроэнергии, не работает связь. Огонь и тот невозможно развести. Огнестрельное оружие перестало стрелять, а весь транспорт стоит. С неба упали несколько самолётов. Упали без шума, без взрывов. Просто упали, и всё. Кто это сделал: террористы, русские, китайцы, может, иранцы? Ответа не было. В соседнем кресле тихо плакала жена. Пальцы президента машинально барабанили по крышке оказавшегося совершенно бесполезным «ядерного чемоданчика»…

…В наиболее развитых странах ситуация вышла из-под контроля в течение одной недели. Как только граждане поняли, что власть больше не способна ни управлять ими, ни, что более

существенно, защищать их жизни и имущество, началась паника. Попытки её пресечь успеха не имели. Паника переросла в смуту. Смута в анархию. Анархия породила хаос.

В странах менее развитых, и (или) не обременённых демократией, весь этот процесс растянулся на более долгий период. Оставь Природа людям хотя бы огонь, и эти страны вполне могли устоять, по крайней мере, перед первой волной хаоса. Но Природа знала, что делала, и хаос распространился повсеместно. Характерно, что в этот период на Земле не наблюдалось ни одного природного катаклизма. На всех широтах сформировались наиболее благоприятные для соответствующего времени года погодные условия…

**

…Маша с трудом разогнула спину. Ей, избалованной цивилизацией жительнице крупного мегаполиса, деревенская жизнь давалась с трудом. Однако какой бы она ни была тяжёлой, это всё-таки была жизнь. Маша хорошо помнила тот день, когда её муж Коля приволок откуда-то небольшую тачку. Они нагрузили в неё немудрёный скарб, — в основном тёплые вещи, кое-какие инструменты и немного еды — посадили сверху трехлетнего Димку и покатили тачку в сторону Бердского шоссе. Маша шла, низко опустив голову, чтобы не встречаться с чужими взглядами. Завистливыми взглядами тех, кто по каким-то причинам не мог покинуть город, и недоуменными взглядами тех, кто так и не осознал, что уходить завтра будет уже поздно. Морской проспект, по которому они с Колей не так давно ходили на пляж, вывел их на шоссе, где они влились в поток беженцев покидающих обречённый Новосибирск. Маша обратила внимание на брошенную у обочины «иномарку» с распоротым левым бортом. Молодая женщина вздрогнула. Длинный с зазубринами разрыв, изуродовавший внешний вид этой японской красавицы, до боли походил на кровавый удар, располосовавший её собственную счастливую жизнь. По ту сторону разрыва остались благополучие, престижная работа и много ещё чего хорошего, о чём вспоминать было невыносимо больно.

Маша встретилась глазами с ободряющим взглядом мужа, который вместе с хозяином дома утеплял стены, и улыбнулась ему в ответ. Им повезло. В одной из не слишком отдалённых от города деревень они нашли приют. Повезло и в том, что их организмы приспособились обходиться без горячей пищи. Они, как ни странно, не только не заболели, но даже стали выглядеть здоровее, хотя и сильно сбавили в весе. И Димка, слава богу, жив-здоров. Поймав себя на слове «бог», Маша криво усмехнулась, какой теперь Бог? Предстоящая зима её, конечно, пугала, но не так, чтобы вовсе. Овощей и вяленого мяса должно было худо-бедно хватить до весны. В хлеву обитали корова с телёнком и пара свиней. Полтора десятка кур тоже прибавляли оптимизма. А холод… что холод? — надышим!

Беда пришла в середине ноября. Пришла в виде банды разухабистых молодцов крушивших всё и вся на своём пути «в тёплые края». Перенасытившись кровью в ходе городских погромов, эти звери больше не знали ни жалости, ни пощады. А здравый смысл они утратили ещё до Катастрофы…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.